

ПРЕДИСЛОВИЕ МАРИАНЫ ЭПРИКЕС

Было холодно, или так мне подсказывает моя ненадежная память. Я читала в кровати, на ночном столике стояла чашка кофе, а весь пол квартиры был завален свернутыми в трубочку рукописями, присланными на конкурс премии «Новый роман», организованный газетой *Rágina/12*. Я входила в состав жюри предварительного тура 2007 года. Рукопись «Кузин» заметно отличалась от остальных. Она была напечатана на машинке — тогда это уже было редкостью, — и опечатки автор исправлял «штрихом», который в некоторых местах перекрывал и правильные слова, впрочем, мне это не мешало. Встреча с рассказчицей «Кузин» произвела на меня большое впечатление. Радикальный синтаксис, в котором почти отсутствовали знаки препинания, потому что они ее «утомляли», жестокость, с которой описывались несчастья персонажей, непривычное отсутствие жалости в изображении семьи. «Мы были не совсем обычными, если не сказать — ненормальными», — говорит Юна, рассказчица, девушка с когнитивными

КУЗЦЫ

нарушениями (Аврора никогда бы не использовала такой корректный термин, она сказала бы, что Юна «отсталая»), чья сестра Бетина — в инвалидном кресле, немая, с тяжелой физической и умственной инвалидностью, нуждается в помощи врачей из специализированного учреждения. В такую лечебницу, как объясняет Юна, направляют безнадежных больных. Именно сцена в лечебнице поразила меня настолько, что я почти вслух воскликнула: «Что это, кто написал эту книгу, что они описывают!» Вот эта сцена: «В ожидании конца уроков Бетины я ходила по коридорам этого вертепа. Однажды я увидела, что пришел священник со служкой. Кто-то отдал Богу простыню, то есть душу. Священник кропил водой и говорил если имеешь душу, да примет тебя Господь во Царствии своем. Чему или кому он это говорил? Я подошла и увидела мужа с женой — не последних людей в городе Адрогге. На столе, на шелковом платке лежал какой-то мясной рулетик. Только это был не рулетик, а что-то вышедшее из человеческой матки, иначе священник не стал бы это крестить. Я расспросила медсестер, и одна рассказала мне, что они каждый год приносят крестить такой рулетик. Что доктор им советовал больше не рожать потому что тут уж ничего не поделаешь. А они сказали, что они добрые католики и должны плодиться и размножаться. Я хоть и дурочка, но поняла, что это отвратительно. Тем вечером я не смогла есть, так мне было противно».

Я дочитала роман и, кажется, уже на следующий день позвонила Лилиане Виоле, другому члену жюри, и рассказала ей о моем удивлении, моем смущении,

АВРОРА ВЕНТУРИНИ

моем восхищении. Роман гениален? Дело в рискованности текста, в эксцентричности, в ощущении, что ничего подобного не печаталось, что этот голос идет из незнакомого места? Кто мог быть автором? Лилиана тоже прочитала «Кузин» и была в таком же состоянии, где-то между зачарованностью и растерянностью. Думаю, мы обе знали, что, если жюри поймет, насколько текст и история радикальны, роман может получить премию. И он ее получил.

Авроре Вентурини было 85 лет, когда она получила премию «Новый роман» от газеты *Página/12*. На церемонии она держалась как панк. Худая, необычное лицо, полунасмешливое-полунаивное выражение скрывалось в уголках маленьких, темных, пристальных глаз, — и она сказала: «Наконец-то честное жюри». У нее были десятки опубликованных книг. Она была журналисткой, подругой Эвиты¹, находилась в изгнании в Париже после переворота 1955 года, во Франции подружилась с Виолеттой Ледюк и познакомилась с экзистенциалистами. О ней ходят легенды, их много, и она сама способствует их распространению: с детства Аврора видела призраков; дружила с Викторией Окампо и Борхесом в Буэнос-Айресе (в возрасте шестнадцати лет); большую часть жизни прожила в Ла-Плате; она была графоманкой; держала пауков в качестве домашних питомцев; когда она упала с кровати и лежала в больнице,

¹ Имеется в виду Эва Перон (1919–1952) — жена 29-го президента Аргентины Хуана Перона, сыгравшая важную роль в истории страны. (*Здесь и далее, за исключением случаев, оговоренных особо, примечания переводчика.*)

КУЗИНЫ

вся переломанная, она посетила Ад и с тех пор дружит со священником-экзорцистом. Что из этого правда, а что — ложь, не имело ни малейшего значения, в том числе потому, что в этом была достоверность ее книг, в большинстве своем напечатанных в независимых издательствах или получивших муниципальные премии; все они были необычными и концентрировались на одной теме: теме семьи.

«Кузины» — это история о семье и о женщинах. Это, по словам Авроры, автобиографический роман. «Я не очень-то семейный человек, никогда такой не была, но я всегда пишу о моей семье, о семьях», — объясняла она. «Все мои персонажи — чудовищные. Моя семья была довольно чудовищной. Это то, что я знаю. Я не совсем обычный человек. Я странное существо, которому хочется только писать. Я не очень общительна. Единственный день, когда я с кем-то встречаюсь, — это 24 декабря». «Кузины» — монолог дурочки, но не яростный, а скорее тревожный и, главное, вызывающий отвращение. Мужчин в семье нет; мужчины, которые появляются, оказываются насильниками, разрывающими тела этих уязвимых женщин с равнодушием мелких злодеев. История разворачивается в 1940-х: мать работает учительницей, «человек с указкой» — престижная роль для женщины, но и одна из немногих доступных. Юне удастся покинуть дом, по крайней мере в мыслях, потому что она художница, у нее есть талант, и ей помогает один из учителей, который убеждает ее изучать живопись в институте и выставлять свои работы. И все же она навсегда связана со страдающими телами женщин своей семьи, ее тети Нене,

АВРОРА ВЕНТУРИНИ

двоюродных сестер Карины и Петры, спокойной Руфины, с темнотой этого дома на окраине, где царит грусть и Бетина, ее сестра, ездит в своем кресле-румрум по двору и пускает слюни. «Я изобразила тени не смогла удержаться потому что внутри у меня столько теней что когда они довлеют (там же) надо мной я выталкиваю их в свои картины». Это «там же» означает, что слово (в данном случае «довлеют») попало в текст после поиска в словаре, потому что Юне не хватает словарного запаса, и она пишет вопреки языку, вопреки условностям письменного языка, с тем, что ей остается от скудной устной речи. С этой скудностью описана инициация не только Юны, но и других девушек, которых презирают и используют. Первой насилью подвергается Карина, одна из двоюродных сестер: она беременеет от соседа (продавца овощей), и тетя Нене решает, что нужно сделать аборт. В аргентинской литературе немного описаний аборт, а здесь в точности передано все отчаяние подпольной операции: «Пришла доктор которая выглядела как самая обычная женщина. Она спросила которая из нас пациент и какой срок, на что тетя Нене ответила мол три с копейками, и я подумала что это потому что говорят что у кого детки у того и ягодки, но тетя Нене, которая часто недоедала по безденежью, даже за копейки которые принес бы ребенок не пожалела его. Проходите сказала доктор и дрожа Карина прошла, тетя спросила можно ли ей тоже и доктор сказала что нет и закрыла дверь которая нас связывала. Металлический звон инструментов стал громче». История с аборт Карины закончилась плохо, но не будем распространяться

КУЗИНЫ

об этом здесь. Только добавим, что Петра, сестра Карины, карлица, которая занимается проституцией с подросткового возраста, отомстит за нее. Двоюродные сестры Юна и Петра оказываются союзницами и вместе пытаются прервать насилие, от которого и они пострададут, но все мало этому пессимистичному и жестокому роману, роману без ясных персонажей, роману о невероятных, больных, одержимых, третируемых женщинах. Аврору Вентурини завораживал черный юмор, жестокость, монструозность: она считала себя ненормальной и верила в бесформенную, но в то же время игровую литературу, потому что «Кузины» — это роман, читая который смеешься в голос над провокациями и неожиданными поворотами сюжета. Тела напряжены до предела, письмо клокочет, словно захлебываясь кровью. С «Кузинами» Аврора Вентурини добилась известности, которой искала всю жизнь, и насладилась ею так, как умела, демонстрируя свои шрамы женщины-монстра, которая вырастила себя сама, с насмешливой ясностью.

Мариана Энрикес

Примечание переводчика: знаки претинания в тексте опущены в некоторых местах намеренно. Рассказчица — девушка с проблемами речевого развития, в испанском тексте множество пунктуационных ошибок, это является элементом стиля романа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УВЕЧНОЕ ДЕТСТВО

Моя мама была учительницей, с указкой, в белом форменном халате и очень строгая но толковая, она работала в школе в пригороде куда ходили дети из семей среднего класса и ниже и не очень-то одаренные. Лучшим учеником был Рубен Фьорланди, сын бакалейщика. Мама обрушивала указку на головы тех, кто валял дурака, и ставила их в угол с ослиными ушами из цветного картона на голове. Редко кто пытался шалить снова. Мама считала, что знания в детей надо вколачивать. Когда она вела третий класс ее называли сеньорита хотя она была уже замужем за моим папой который ее бросил и так никогда и не вернулся домой чтобы исполнять обязанности отца семейства. Она работала в первую смену и возвращалась домой в два часа дня. Обед бывал уже готов, потому что Руфина, негритянка, отлично справлявшаяся с ролью домохозяйки, умела готовить. Я терпеть не могла ежедневное рагу. В глубине двора кудахтали кормивший нас

КУЗЦЫ

курятник а в огороде зрели тыквы чудесные позолоченные солнца сверженные и сброшенные из поднебесья на землю, они росли рядом с фиалками и хилыми розовыми кустами, за которыми никто не ухаживал, но они упорно вносили ароматные нотки в эту пропащую сточную канаву.

Я никому не говорила, что научилась определять время по стрелкам часов только в двадцать лет. Это признание смущает и удивляет меня. Смущает и удивляет из-за того что вы еще обо мне узнаете и на ум приходит множество вопросов. В первую очередь приходит на ум вопрос «который час?» Честное слово, я не умела определять время и часы пугали меня так же как скрип инвалидной коляски моей сестры.

Она вот, хотя и тупее меня, умела определять время по часам а читать не умела. Мы были не совсем обычными если не сказать — ненормальными.

Рум... рум... рум... бормотала Бетина, моя сестра, катаясь, несчастная, по садику и вымощенным камнями дворам. Этот рум пропитывался слюнями, которые пускала глупышка. Бедная Бетина. Ошибка природы. Бедная я, тоже ошибка и еще больше моя мама, под тяжестью забвения и чудовищ.

Но все проходит в этом омерзительном мире. Поэтому не стоит слишком уж переживать из-за кого-то или из-за чего-то.

АВРОРА ВЕНТУРИНИ

Иногда мне кажется, что мы — лишь страшный сон или кошмар, сбывающийся изо дня в день, он в любой момент может исчезнуть, и больше не появится на экране души, чтобы мучить нас.

У БЕТИНЫ ДУШЕВНОЕ РАССТРОЙСТВО

Такой диагноз поставил психолог. Не уверена, правильно ли я его воспроизвожу. У моей сестры был искривлен позвоночник, то есть спина, и сидя она походила на маленького горбуна с короткими ножками и огромными руками. Старуха, приходившая штопать чулки, считала что маме сделали что-то плохое, когда она была беременна мной, а когда Бетиной — что-то еще хуже. Я спросила у психолога, усатой женщины со сросшимися бровями, что значит душевный. Она ответила, что это связано с душой но мне не понять потому что я еще маленькая. Но я догадалась, что душа должна быть похожа на белую простыню скрытую в теле и что если она пачкается человек становится идиотом, вроде Бетины и немного вроде меня. Я стала замечать, что когда Бетина, бормоча румрумрум, ездит вокруг стола, за ней тянется хвостик вылезавший в просвет между спинкой и сиденьем инвалидно-